

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
Ш. Ш. УӘЛИХАНОВ АТЫНДАҒЫ
ТАРИХ ЖӘНЕ ЭТНОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ**

**«Н.Ә. НАЗАРБАЕВТЫҢ «ҰЛЫ ДАЛАНЫҢ ЖЕТІ ҚЫРЫ» МАҚАЛАСЫН
ЖҮЗЕГЕ АСЫРУ АЯСЫНДАҒЫ
ОТАН ТАРИХЫНДАҒЫ ТҰЛҒАНЫҢ РӨЛІ»
атты Халықаралық ғылыми-теориялық конференция
МАТЕРИАЛДАРЫНЫҢ ЖИНАҒЫ
Алматы қ., 19 қараша 2019 ж.**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
Международной научно-теоретической конференции
«РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА
В РАМКАХ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ СТАТЬИ Н.А. НАЗАРБАЕВА
«СЕМЬ ГРАНЕЙ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ»
г. Алматы, 19 ноября 2019 г.**

**COLLECTION OF MATERIALS
of the International scientific-theoretical conference
«THE ROLE OF PERSONALITY IN THE HISTORY
OF HOMELAND IN PRACTICAL IMPLEMENTATION
OF N.A. NAZARBAYEV'S ARTICLE
«SEVEN FACES OF THE GREAT STEPPE»
Almaty, November 19, 2019**

Досымбаева А.

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова,
Алматы, Казахстан

**«ДИВАН ЛУГАТ АТ-ТУРК» МАХМУДА АЛ-КАШГАРИ
КАК ПАМЯТНИК ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
И ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ**

Бесценным памятником тюркской письменности является произведение Махмуда Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» (1072 г.), основанное на сравнительном анализе материалов, используемых в среде тюркоязычных народов, населявших территорию Туркестана, большую часть которых составляла территория современного Восточного Туркестана, Казахстана от Иртыша до Сырдарьи и район Приыссыкулья включительно. В X–XI веках в связи с созданием государства Караханидов и Сельджукской империи и их влиянием было связано начало нового периода в истории Средней Азии и Ближнего Востока. Активное взаимодействие тюрков с арабским миром, вхождение в орбиту ислама ставит перед ними необходимость соответствия велениям нового времени. Авторы полагают, что «Ал-Кашгари создает труд, в котором отражен образ тюрков, могущественных «Правителей века», располагающих помимо воинской доблести и богатой культурой мало известной мусульманам. По аль-Кашгари, это «народ, воплощающий в себе самые лучшие человеческие качества ... , тюрки высоко чтят свой язык и проявляют особое расположение к тем, кто говорит по-тюркски» [1, с. 24–25]. В других примерах М. Кашгари подчеркивая, что «вершина добродетели в языке» и «тюркские наречия идут наравне с арабским языком, подобно двум коням на скачке» вводит тюркские языки в мир современной ему исламской цивилизации [1, с. 24–26].

Согласно информации изложенной автором, создавая свой труд, он прошел все степи и города тюрков, но анализ данных изложенных в «Словаре...» свидетельствует, что пространственные границы тюркского мира М. Кашгари очерчивались границами государства Караханидов, в пределах регионов близких к оазису Сыр Дарьи, верховий реки Или и Кашгара и его огузо-сельджукских соседей. Автор полагает что родным языком ученого мог являться хакани-чигильский диалект и карлукский или же смешанный карлукско-чигильский диалекты. Вместе с тем Кашгари замечает, что наиболее корректными являются языки ягма и тухси, населяющих земли вдоль Или, Иртыша, Ямара и Атиля (Волги). А наиболее элегантным говором был язык караханидских правителей [2, с. 508].

Махмуд Кашгари, родившийся в Кашгаре (1029/1038) и имевший тесные связи с городом Барсхан, в котором правил его отец Хусейн б. Мухаммад Чагритегин, являлся потомком правящей династии Караханидов (992–1212) Богра ханов / Илек ханов и раннее образование получил от своей матери Буби Рабия, дочери ходжи Сайиф ад-Дина. Работу над энциклопедическим трудом «Диван лугатат-Турк» ученый начинает в зрелом возрасте в 1072 году и завершает его в 1077 году в Багдаде [2, с. 504–505].

Стремление Махмуда Кашгари, обладавшего отличным образованием, полученным в лучших культурных центрах Ближнего Востока (Бухаре, Самарканде, Мерве, Багдаде) познакомить окружающий его современный мир с достоинствами тюркских народов, среди которых главным является познание через знание языка, объясняется как деятельность личности обладающей государственным мышлением. Содержание энциклопедического труда М. Кашгари иллюстрирует уровень его исторического самосознания изложенным мыслями, соответствующими той цивилизации, которая создавалась в столь непростую эпоху [3, с. 192–193].

Методы, используемые ученым для передачи основных ценностей тюрков, поражают своей широтой и разносторонностью, в котором «кроме богатейшего лингвистического материала, сосредоточены и этнографические сведения: о песнях, которыми сопровождалась календарные и семейные обряды, тематике лирических песен, сказочном эпосе и героических сказаниях (более 400 примеров); бытовые понятия, термины, употребляемые в медицине и астрологии, ремеслах и земледелии, названиях явлений природы, народных понятиях, которые определяют пространственно-временные рамки и др.; об этике и морали; о мировосприятии и мн.др. [4, с. 46; 5, с.58–69; 6, с. 269–271].

Представляют интерес и сведения о топонимической номенклатуре, представленной в «Словаре ...», среди которых упоминаются не только названия водных источников, но и названия населенных пунктов, среди которых города Баласагун, Тараз, Испиджаб, Шаш, Кашкар и др. [3, с. 197]. Барсхан, наименование населенного пункта в Прииссыккулье, с которым непосредственно была связана жизнь М. Кашгари, озеро Иссык куль, упоминаемые в «Словаре ...» сохранились в современной топонимике Кыргызстана [7, с. 166].

В описании тюркских народов, автор подразделяет их на северные и южные и перечисляя их с востока на запад, среди северных пишет о печенегах, кыпчаках, огузах, йемеках, башгуртах, басмылах, кай, ябаку, татарах и киргизах. В южной группе описывает племена: чигиль, тухси, ягма, ыграк, чарук, джумул, уйгур [4, с. 47].

Заслугой Махмуда Кашгари является упоминание о том, что тюркские племена ягма, чигиль, тухси пользовались письменно-литературным языком эпохи, который он называет языком «хакания». Языком «хакания» говорила тюркская социальная элита в своей этнической среде. Правящая верхушка, придворные круги всегда и везде предпочитали разговаривать или на иностранном языке или на родном, но пользуясь высоким стилем, далеким от разговорного языка. Таким представляется язык хакания, о котором часто упоминает автор. Последовательный расцвет языка хакания послужил формированию письменного литературного языка кыпчаков и карлукско-кыпчакского языков [8, с. 32–45]. Отмечая непревзойденную ценность энциклопедического издания как памятника исторической диалектологии тюркских

языков, анализируя труд Махмуда Кашгари Н. А. Баскаков пишет что «языки огузов и кыпчаков характеризуются диалектными особенностями переходай > дж, м > б, т > д в начале слов и к > х в других позициях. Языки кыпчаков, тусхи и ягма... уже в то время не имели фонемы ч, которая соответствовала в них звуку ш, что характерно и для современных казахского, каракалпакского и ногайского языков» [4, с. 47].

Единственный экземпляр рукописи словаря «Диван луғат ат-Турк» хранится в Стамбуле и состоит из 1 тома (319 с.). Дошедший до нас список словаря является первой копией арабописьменного оригинала, выполненного Мухаммадом бин Абу-Бекр ад-Дамашки, иранцем по происхождению. Она была снята с оригинала через 200 лет после его написания. Словарь на арабском языке впервые был опубликован в 1915–1917 гг в Турции (в трех томах). Впоследствии словарь был переведен Б. Аталаем на турецкий язык и опубликован: т. 1 – в 1939 г, т. 2 – в 1940 г, т. 3 – в 1941 г. В словаре содержится много грамматических и диалектологических замечаний по языкам тюркских племен; в нем приводится 291 пословица и поговорка и около 300 отрывков песен различного содержания, а также четверостишия. Словарь впервые был исследован К. Броккельманом, который в 1928 г. опубликовал том тюркских слов, избранных из него. В словаре отражена лексика 31 тюркского диалекта, которые были распространены в XI в. в тех районах, где Мамуд Кашгари собирал материалы для словаря [8, с. 32].

Всего имеется 414 помет, из них лишь 21 помета указывает на один диалект. В словаре зафиксировано 10 слов с пометой «уйгур». По утверждению Махмуда Кашгари, хотя уйгуры и говорили по-тюркски, они имели также язык, на котором общались между собой и пользовались особым письмом, состоящим из 24 знаков. По утверждению Махмуда Кашгари самым легким языком является язык огузских племен, а самыми правильными – языки тохсы и ягма: лишь при 12 словах стоит помета «ягма» и при пяти – «тохсы». Это свидетельствует, что представители этих племен уже имели сложившийся язык. По всей вероятности этот смешанный язык лег в основу литературного языка государства караханидов. В этом языке было мало арабских и персидских элементов, сложных арабско-персидских оборотов и сочетаний, но он изобиловал архаизмами. Многие из них были достоянием лишь литературного языка [8, с. 32–33].

Период формирования огузского языка произошел в карлукско-караханидскую эпоху. В огузский письменный язык вошли как полноценные компоненты, диалекты кыпчаков, йемеков, печенегов и болгар. Огузский письменный язык также был смешанным. Пометы, сделанные Махмудом Кашгари к тюркским словам, свидетельствуют, что автор жил и собирал свои материалы там, где преобладали огузские племена, в соседстве с которыми были компактно расселены карлуки, чигили, аргу, кыпчаки. Истолкование остальных помет показывает, что такие роды и племена как ягма, ябаку, йемек, тохсы, кай, на территории где путешествовал Махмуд Кашгари, не составляли компактной массы населения и были в значительной степени смешаны с основным населением и их говоры почти слились с огузскими, кыпчакскими, чигильскими, аргу диалектами. Примечательно, что названные мыслителем племена, еще в период расцвета Западного Тюркского каганата в VI–VIII веках и в периоды IX–X веков были уже известны арабским авторам до создания государства Караханидов [2, с. 508–510].

Рис. 1. Карта мира Махмуда Кашгари

Основная часть огузских племен населяла территории от низовьев Сырдарьи до Аральского моря и далее, охватывая Хорезм, низовья реки Амударьи, вплоть до Каспийского моря. Соседями огузов были кыпчакские племена, которые часто смешивались с огузами. Материалы по огузским диалектам М. Кашгари собирал среди огузских племен в основном от низовьев Сырдарьи до Аральского моря. Кыпчакские племена в этот период населяли территорию от реки Иртыш на востоке до низовьев Сырдарьи. Чигили занимали территорию севернее оз. Иссык-Куль до р. Или и далее на запад до реки Чу. Их соседями на юге были карлукские племена, территория которых распространялась до Тараза-Таласа, а на севере до Чу. К примеру, «Многие из слов, приводимых М.Кашгари, не сохранились, но сохранившиеся: құм – песок; оң – правый; сіз – вы в словаре помечены «чигиль» [8, с. 32–45].

Культурный центр описываемого периода – Баласагун – находился в центре расселения племен аргу, чигиль, карлук. Сам факт обитания этих племен на той территории, где формировался смешанный литературный язык, отличный не только от староуйгурского, но и от новоуйгурского, дает основание предполагать, что языки чигильских и карлукских племен внесли заметный вклад в этот литературный язык. Большое количество помет «аргу» свидетельствует, что М. Кашгари, по-видимому, жил и собирал материалы среди племени аргу. По его словам аргу жили на территории между Испиджабом и Баласагуном, по среднему течению р. Талас и р. Чу. Города Баласагун, Мерке, Талас до некоторой степени были населены аргу и можно предполагать, что территория, занятая племенами аргу простиралась до среднего течения Сырдарьи, где жили огузские племена [8, с.43].

В связи с темой родства огузов и кыпчаков следует обратиться и к легендарным преданиям, эпическим произведениям о происхождении кыпчаков, сохранившихся в целом ряде источников. По версии, записанной историком монголов лейб-врачом Фазлаллах Рашид ад-Дином в труде «Джами ат-таварих» («Сборник летописей»), генеалогическая история кыпчаков непосредственно связана с огузами и эпоним «кыпчак» являлся следствием имянаречения самим легендарным Огуз-каганом. Рождение мальчика на острове, образуемом течением двух рек, в дупле дерева, именуемом на тюркском «кыпчак» и послужившее поводом для его имянаречения

ханом описывается и у другого автора, Абульгази-хана Хивинского. О связи имени кыпчаков с историей их участия в событиях жизни огузов и Огуз хана, а также самого онама кыпчак с деревом описывается и в уйгурской рукописи «Огузнаме» [9, с. 24].

Информация об идеологическом комплексе кыпчаков, содержащая ценные сведения об этнонимах, тамгах и уранах кыпчаков содержится в этнографических источниках. В китайских источниках и в тюркской рунической Онгинской надписи семь племен се-яньто названы *jetı eren* «семь мужей предводителей» [10, с. 17]. Этим племенам покровительствовало семизвездное скопление Плеяд. В труде Махмуда Кашгари и в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина племя с тем же названием указано в одном и том же списке огузских племен. Анализируя тамгу этого племени, Г.Н. Потанин отмечал, что ее «рисунок представляет собой три наклонно расположенные линии, оканчивающиеся вверху стилизованным изображением звезд. Слева от них имеется изображение лука. Этот рисунок совпадает с рядом наскальных изображений». Название племени соответствовало, переданному у М. Кашгари «уркер», значившего «лось». Ураном кыпчаков был «байтерек», являющийся символом дерева, в котором был рожден предок кыпчаков [10, с. 18].

Содержание энциклопедического труда мыслителя М. Кашгарипозволяет также обратиться к теме о связи собирательного обозначения всех названных в «Словаре...» тюркских племен словом «Түрк» с их идеологическим, традиционным мировоззренческим комплексом. Перечисляя города и степи тюрков, называя их племенные наименования, М. Кашгари свидетельствует, что они понимали друг друга и говорили между собой на родственных языках и на вопрос *кто ты?* звучал ответ – я *Түрк* [2, с. 506]. Среди большого количества авторитетных мнений по вопросу об этимологии термина *Түрк*, обращает на себя внимание мнение о том что он «разъясняется как собирательное имя значение которого было понятно на большой территории и которое объединяло многие племена расового и этнического происхождения» [11, с. 129–130]. Ссылаясь на мнение профессора А. Н. Баскакова, автор также принимает его доводы о том, что основа слова *Түрк* могла произойти «по названию родственных отношений свойства, например туркун, төркүн, в смысле родители и родня замужней женщины» [11, с. 130–131].

Не вызывает сомнения, что наименования несущие информацию о женщинах тюркского общества в «Словаре ...»: «кайын – родня по женской линии»; «катун – титул всех дочерей и продолжительниц рода Афрасиаба», «туркун – место сбора племени, родительский дом» [1, с. 71; с. 386; с. 413] содержат определенную семантическую нагрузку. Сравнительный анализ описанных терминов с данными из других источников подтверждает нашу мысль об их связи с идеологическим комплексом тюрков. Например, форма тамги кыпчаков в виде двух вертикальных полос, в действительности является обозначением двух деревьев: кайың и карагай. Казахское кайың /береза, на древнем тюркском и сохранившееся ныне в якутском языке звучит как катын, в значении «хозяйка», «госпожа». В казахской лексике для обозначения родственников со стороны жены поныне используется термин *қайыңжұрт*.

Историческая проекция термина катын/кайың, сохранившаяся в обозначении тамги кыпчаков дает основание для множества основополагающих выводов по

истории тюркских народов в целом. Тюркские топонимы – являются важным источником для исторической реконструкции и позволяют выявить особенности развития языка, материальной, духовной культуры народов, населявших те или иные территории. В разных тюркских языках слово *катун* в форме *гадын*, *катын* означает «женщина»; в алтайском кадын имеет значение «женщина, госпожа». В монгольском же языке наблюдается смысловой сдвиг: «княгиня, повелительница, ханша, госпожа». В эвенкийском языке *катун* – «сказочная героиня, жена богатыря, дама». Между тем, обычно именно так (повелительница, госпожа) объясняется название алтайской реки Катунь.

В топонимии Азии обнаруживаются немало аналогичных географических названий Хатан-Булак в Монголии, Хатунхэ – левый приток р. Тумыньцзян в Северо-Восточном Китае, р. Катанца – левый приток р. Казыра в Западных Саянах. Реку Иртыш ханты называют Катанас и Катон-Карагай на Алтае в Восточно-Казахстанской области [12, с. 190–191]. Второе значение древнетюркского слова *қатын*, *хатан* ныне утерянное «река». В таком значении оно употребляется в енисейских рунических наскальных надписях [13, с. 179].

Комплексный анализ источников помогает выявить истинное значение топонима р. Катунь / Қатын с точки зрения развития духовной культуры тюрков. В описании событий периода создания Тюркского каганата китайские источники свидетельствуют, что первый тюркский каган Бумынь принял тронное имя Или-кагана, значившее, что его владения расположены на реке Или, а супругу назвал Катунь / Қатын [14, с. 228].

В VII–VIII вв. в Ташкентском оазисе, получили распространение монеты с изображением четы правителей, кагана и катуи, с надписями на согдийском и тюркском языках на аверсе [15, 119 с.]. На реверсах монет изображены родовые тамги правителей. Иконографический стиль портретов изображенных правителей сходен с портретами тюрков на каменных изваяниях и фресках из средневековых городов с территории Средней Азии и Казахстана (Пянджикент в Узбекистане, Куйруктобе в Южном Казахстане). Анализ тюркских парных мужских и женских статуй на памятниках святилищ Мерке и Жайсан, совместно с данными выше перечисленных источников, позволяет произвести реконструкцию мировоззрения древнетюркского общества [16, с. 54-67].

Вероятно, развитие тюркского топонима, сохранившегося в наименовании реки Катунь, совместно с названием реки Бия отражают основы идеологического комплекса тюрков, важным элементом которого являлись мировоззренческие представления о единстве божеств тюркского пантеона Тенгри и Жер-Су, одним из символов которых являлась вода, река, именуемая в древности словом *катын*.

Топоним Катон-Карагай на Алтае в Восточно-Казахстанской области в действительности, без искажения, будет правильным писать «Қатын-Қарағай», что соответствует тамговому обозначению кыпчаков, указывая на первоначальный ареал их расселения. Более того, в тамговом символизме кыпчаков в форме единства двух разных пород деревьев сокрыто истинное, глубоко историчное, событийно важное для всех тюркских народов соединение традиционных мировоззренческих начал представителей восточного и западного ареалов большого тюркского мира.

С другой стороны, основные черты идеологического комплекса средневековых тюрков, впоследствии составившие базовые духовные ориентиры кыпчаков – половцев, нашли свое отражение во всех видах источников, летописях, рукописях, монументальном искусстве и многом другом. Но все многообразие форм информативных материалов требует рассмотрения их в общем контексте развития истории тюркских народов в целом, с учетом акцента на формирование духовной культуры, основанной на идеологических ценностях. Следовательно, основу этимологии термина *Турк* может составить идея о высшем пантеоне божеств тюркского мира, традиционно верующих в святость их обитаемого пространства и поклоняющихся Жер-Су / Земле и Воде и чтущие свои родственные корни в лице родных по материнской линии.

Историческое развитие духовной культуры каждого народа находит свое отражение в языке, истории культуры, географическом пространстве. В формировании ономастикона, его этимологии находит отражение весь спектр веками сложившихся традиционных представлений, связанных с жизнью, условиями развития и достижениями народа. Лексикологические и этимологические исследования наименований географических топонимов и антропонимов Казахстана и Евразии являются важным свидетельством развития не только языка тюркских народов, казахов, но и их богатого исторического прошлого.

На основе теоретико-методологического анализа возможно установить особенности развития памятников письменности кыпчаков во взаимной связи с процессом формирования этнической культуры тюркских народов [12, с. 122]. Вклад Махмуда Кашгари в становление тюркологии, филологических исследований тюркской языковой группы, восточного религиоведения и лексикографии бесценен. Автор «Словаря тюркских наречий» опередил европейскую науку о языке на несколько столетий.

Рис. 1. Сабля хана Кенесары Касымова, находящаяся в Туркестанском областном краеведческом музее

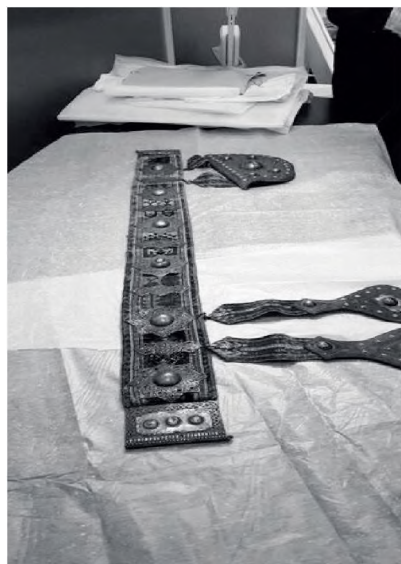

Рис 2. Пояс

Список использованной литературы:

1. Махмуд ал-Кашгарӣ Диван Лугат ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А. М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
2. Peter B. Golden. The Turkic world in Maḥmūd al-Kāshgharī // Peter B. Golden. The Turkic World in Maḥmūd al-Kashgharī // Complexity of interaction along the Eurasian steppe zone in the millenium CE. Edited by Jan Bemman, Michael Schmauder. 2015 Vor und Fruhgeschichtliche Archaologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universitat Bonn. 708 p.
3. Егеубаев А. Түркі өркениетінің заңдылықтары мен ерекшеліктері (Жүсіп Баласағұнның «Құтадғу білік», Махмут Қашқаридың «Диуани-лұғат-ит-түрк» және тағы басқа ежелгі түркі ескерткіштерінде байқалатын белгілері) // Байырғы түркі өркениеті: Жазба ескерткіштер. Қазақстан Республикасы 10 жылдығына арналған «Байырғы түркі өркениеті: Жазба ескерткіштер» атты халықаралық ғылыми-теориялық конференцияның материалдары. Алматы, 2001. «Ғылым» ғылыми баспа орталығы. 190–199 б.
4. Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960. 247 с.
5. Махмут Қашқаридің «Дивани лұғат-ат-түрік сөздігіндегі» өлендер, мақал-мәтелдер // Ертедегі қазақ әдебиеті хрестоматиясы. Құрастырушылар: Б. Кенжебаев, Х. Сүнішәлиев, М. Жолдасбеков. Астана, 2012. 240 б.
6. Маемерова А.Р. «Диуани лұғат ит-Түрк» ескерткішіндегі экономика саласы сөздерінің қазақ және түрік тілдеріндегі көрінісі // Түрк әлемі: тарих және қазіргі заман. Халықаралық Түрктану симпозиумы мақалалар жинағы. 2011 жылғы 28–29 сәуір. Астана, 2011 485 б.

7. Табалдиев К. Ш. Древние памятники Тянь-Шаня. Махмуд Кашгари (Барсхани) – филолог, географ, философ XI века. Раздел 11. Б.: V.R.S. Company. – 2011. 320 с.
8. Наджип Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М.: Наука», 1989. 283 с.
9. Короглы Х. Огузский героический эпос. М.: Наука, 1976. 239 с.
10. Зуев Ю.А. Каганат Се-яньто и кимеки (к тюркской этногеографии Центральной Азии в середине VII века // Shygys. ж. Института Востоковедения. Казахстан. Алматы, 2004. С. 11–21.
11. Айтмуратов Д. Тюркские этнонимы: каракалпак, черные клобуки, черкес, башкурт, кыргыз, уйгур, тюрк, печенег, сак, массагет, скиф. Нукус: Каракалпакстан, 1986. 236 с.
12. Мурзаев Э. М. Очерки топонимии. М.: Мысль», 1974. 382 с.
13. Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе: Изд-во. АН Киргизской ССР, 1959. 218 с.
14. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.-Л., 1950. 381 с.
15. Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI– VIII вв.). Ташкент: Изд-во национальной библиотеки им. Алишера Навои, 2007. 119 с.
16. Досымбаева А. История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. Алматы: ServicePress, 2013. 250 с.
17. Досымбаева А. Тюркология. Историко-археологический аспект. Астана – Алматы: Service Press, 2014. 224 с.